

ОБЗОР ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАКТИКИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ЯНВАРЬ–ИЮНЬ 2018 ГОДА

За шесть первых месяцев 2018 года Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга рассмотрел 70 дисциплинарных производств в отношении адвокатов. Для сравнения: в 2017 году было рассмотрено 98 дисциплинарных дел всего.

В результате было объявлено 14 замечаний и 10 предупреждений, статус 8 адвокатов прекращен, остальные дисциплинарные производства прекращены по разным основаниям:

- 27 – ввиду отсутствия нарушений в действиях (бездействии) адвоката;
- 4 – вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности;
- 3 – в силу малозначительности совершенного адвокатом проступка;
- 2 – вследствие отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;
- 1 – по причине отзыва жалобы.

Одно дело было направлено Советом АП в Квалификационную комиссию (далее - Комиссия) для нового разбирательства.



ПРЕКРАЩЕНИЕ СТАТУСА АДВОКАТА

В первом полугодии 2018 года за недобросовестное осуществление своих обязательств перед доверителями прекращен статус двух адвокатов.

Так, в октябре 2017 года Адвокатская палата Санкт-Петербурга получила жалобу от содержащегося под стражей обвиняемого Г. Он утверждал, что

адвокат К., осуществлявшая его защиту при задержании в порядке ст. 51 УПК РФ, участвовала в фальсификации документов предварительного следствия, в результате чего «он продолжает содержаться под стражей».

Г. с удивлением обнаружил в материалах дела, что 14.07.2017 с 15:20 до 15:40 следователь при участии адвоката К. в следственном управлении предъявил ему обвинение и допросил его в присутствии того же адвоката, чего в действительности по заявлению Г. не было, и подписи в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в протоколе допроса были не его.

Г. указывал, что 14 июля он находился в Василеостровском районном суде Санкт-Петербурга при рассмотрении вопроса об избрании ему меры пресечения, в следственное управление в этот день его не доставляли, обвинение не предъявляли и не допрашивали.

Адвокат К. объяснила ситуацию тем, что в действительности 14 июля при ее участии Г. было предъявлено обвинение, но не в следственном управлении, а в перерыве судебного заседания в районном суде. Там же следователь допросил Г. в качестве обвиняемого. По невнимательности она не заметила, что в протоколах следственных действий местом их проведения значилось следственное управление.

Адвокат К. призналась, что не видит нарушения в самом факте проведения предварительных следственных действий в рамках другого процессуального действия – судебного заседания по избранию меры пресечения.

В материалах производства также имелось заключение специалиста, согласно которому подписи в документах выполнены не обвиняемым, но адвокат К. объясняла установленные специалистом обстоятельства «деградацией психических особенностей личности» Г., приведшей к отличиям в способах написания отдельных букв, кроме того, нечеткость в написании отдельных букв, по ее мнению, могла объясняться как тем, что Г. было затруднительно писать в условиях стресса, вызванного судебным заседанием, так и затруднениями выполнять эти действия через решетку.

Адвокат К. не нашла ухудшения процессуального положения доверителя в результате оказания ею юридической помощи.

Квалификационная комиссия установила, что в указанный день Г. действительно находился в суде, где ему избрали меру пресечения в виде заключения под стражу, и он остался в конвойном помещении.

Из материалов производства следовало, что обвинение было объявлено Г. в 15:20 в присутствии защитника, без указания фамилии последнего. Допрос проводился с участием адвоката К. с 15:30 до 15:40 в следственном управлении, то есть в период рассмотрения ходатайства следствия об избрании Г. меры пресечения. Обращало на себя внимание то, что протокол допроса, в том числе показания Г., был изготовлен в печатном виде с использованием компьютера. Квалификационная комиссия пришла к выводу, что это свидетельствует в пользу его изготовления в помещении СУ УМВД РФ, поскольку версия адвоката К. о допросе ее подзащитного в перерыве между судебными заседаниями предполагает рукописный текст показаний

обвиняемого. Это вызвало обоснованное сомнение относительно обстоятельств подписания протокола допроса обвиняемым и его адвокатом: либо следователь в присутствии адвоката К. дал Г. подписать заранее изготовленный протокол с его показаниями без фактически проведенного допроса, либо, как указывает сам Г., протокол был фальсифицирован.

Комиссия констатировала факт недобросовестного отношения адвоката К. к своим профессиональным обязанностям. Адвокат не обратила внимания, что текст допроса Г. к моменту его подписания в зале суда был изготовлен в печатном виде, то есть, до проведения самого допроса, поэтому Комиссия посчитала, что адвокат, подписывая протокол, действовала вопреки законным интересам доверителя.

Допущенные адвокатом К. нарушения неизбежно привели к обоснованному недоверию к ней со стороны доверителя.

Совет АП СПб согласился с Комиссией и пришел к выводу, что игнорирование таких основополагающих принципов, как обязанность честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, а также, что адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне и должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре, являются грубым нарушением и свидетельствуют об игнорировании адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката (далее - КПЭА), что исключает возможность дальнейшего пребывания адвоката К. в адвокатском сообществе.

Решением Совета АП СПб статус адвоката К. прекращен, вновь она может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката не ранее, чем через 3 года.

Дисциплинарное производство в отношении адвоката Б. тоже закончилось применением к ней самого строгого вида наказания с той лишь разницей, что вернуться в корпорацию адвокат Б. сможет через год.

На адвоката Б. пожаловалась ее доверительница С. Она сообщила Палате, что адвокат Б. приняла поручение на ведение трудового дела С. по спору с администрацией ООО. Адвокат должна была составить иск о взыскании с администрации денежной компенсации за три месяца работы С. на предприятии, помочь при обращении в Комиссию по труду и участвовать в судебном рассмотрении спора.

Б. заверила доверительницу, что имеет необходимый опыт работы по данной категории дел и справится с поручением в течение месяца.

Гонорар адвоката составил 25000 рублей и был полностью передан адвокату, как и необходимые для работы документы, однако, получив деньги,

адвокат стала уклоняться от встреч с С., заверяя последнюю, что ею осуществляются все необходимые действия, предусмотренные соглашением.

Спустя полтора месяца ни текста искового заявления, ни иных результатов работы, равно как и платежных документов доверитель не получила. Она обратилась к заведующему адвокатской консультацией, в которой осуществляла свою адвокатскую деятельность адвокат Б., и узнала, что соглашение адвокатом не зарегистрировано, деньги в кассу или на счет адвокатской консультации не внесены.

С. удалось добиться встречи с адвокатом, на которой последняя признала, что к работе по соглашению не приступала и пообещала вернуть деньги и документы, чего так и не случилось даже при рассмотрении дисциплинарного производства Комиссией.

Адвокат Б. заявила, что помогла доверителю составить иск, но дело решилось и без суда. О том, что надо формально расторгнуть соглашение она не подумала, деньги повторно обещала вернуть, но при этом сослалась на трудное материальное положение.

Комиссия пришла к выводу, что адвокат Б. не выполнила своих обязательств по соглашению с С. без уважительных причин, а также выявила нарушения положений закона, предписывающих адвокату регистрировать соглашения в документах адвокатского образования и вносить вознаграждение за работу в кассу.

На заседании Совета адвокат Б. сообщила, что в день заседания вернула гонорар доверительнице, а также подтвердила Совету, что денежные средства по соглашению с С. она не внесла в кассу адвокатского образования и считала данное дело бесперспективным.

Доверительница на заседании сообщила, что в результате бездействия адвоката Б. истек срок для обжалования ее увольнения и возможности восстановления на работе. Кроме того, она потеряла 25000 рублей, переданные Б., 450000 рублей заработной платы и 120000 рублей, которые ей не доплатила компания.

Статус адвоката Б. прекращен.

Статус еще шести адвокатов был прекращен в связи с наличием у них задолженности по отчислениям и взносам. Долг у адвокатов зачастую складывается вследствие неуплаты обязательных ежемесячных отчислений на общие нужды Палаты, а также целевого разового ежегодного взноса для финансирования помощи ветеранам петербургской адвокатуры в размере 500 рублей. В одном из восьми случаев задолженность была также по отчислениям первого месяца в связи с переходом адвоката из адвокатской палаты иного субъекта в АП СПб.

Напомним, что основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности является задолженность по обязательным ежемесячным отчислениям на общие нужды АП СПб два и более месяцев без уважительных причин (Решение Совета АП СПб от 29.07.2014 (протокол № 7)).

Размер отчислений первого месяца на общие нужды АП СПб для адвокатов, принятых в члены в связи с изменением членства в АП одного субъекта на членство в АП СПб, составляет 60000 рублей, оплатить которые адвокат должен в течение одного месяца со дня приема в члены АП СПб (Решение Совета АП СПб от 11.02.2016 (протокол № 1)).

«БЕЛЫЙ ОРДЕР»

За январь-июнь 2018 года Комиссией и Советом АП СПб было рассмотрено довольно много дел, связанных с нарушениями при оформлении адвокатами своих полномочий при осуществлении защиты по назначению, при этом большинство нарушений совершены ещё до отказа от районных координаторов и полного перехода на электронную систему приема и распределения заявок – АИС «Адвокатура».

Так, в декабре 2017 года было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Ч. ввиду систематического нарушения правил осуществления защиты по назначению. В ходе разбирательства были установлены восемь уголовных дел, которые адвокат вел с использованием ордеров белого цвета с синим оттиском печати «НАЗНАЧЕНИЕ по ст.51 УПК РФ», более того, два из этих дел он вел в период, когда был исключен из графика дежурства по назначению, продолжая нарушать установленный порядок работы по назначению. Кроме того, адвокату Ч. были выданы ордера специального образца, предназначенные для работы по назначению, по которым заявки в АИС «Адвокатура» были созданы частично, ордера к заявкам не прикреплены.

Комиссия пришла к выводу о наличии в действиях адвоката Ч. нарушений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА. Совет согласился с Комиссией, и адвокату Ч. было объявлено предупреждение с исключением его из базового списка адвокатов Санкт-Петербурга, участвующих в качестве защитников и представителей в судопроизводстве по назначению.

Другое дисциплинарное производство было возбуждено по представлению мирового судьи, которая указывала на неявку адвоката Т. по назначению в судебное заседание по уголовному делу.

Также мировой судья сообщала, что по ряду дел, где юридическую помощь Т. осуществлял в порядке ст.51 УПК РФ, им в суд представлялись «ордера по назначению», не соответствующие форме, утвержденной Решением Совета АП СПб. Поэтому судья полагала, что поведение адвоката Т. умаляет авторитет адвокатуры и нарушает действующее законодательство.

Адвокат Т. сообщил, что несмотря на то, что ему было известно о введении формы специального ордера – «ордер по назначению», он, действительно, при осуществлении защиты по назначению в ряде уголовных дел представлял мировому судье ордера старого образца, при этом адвокат заверял, что постановления на оплату во всех этих случаях в судебный департамент он не направлял. По поводу неявки в судебное заседание адвокат промолчал, факты нарушений со своей стороны не оспаривал и выражал готовность понести наказание.

Адвокату Т. объявлено предупреждение с исключением его из базового списка адвокатов, осуществляющих защиту в порядке ст.51 УПК РФ, на 3 месяца.

Производство в отношении адвоката П. было возбуждено на основании представления вице-президента АП СПб. Обстоятельства дела были следующие: адвокат П. представил следователю «белый» ордер на защиту подозреваемого А., в котором в графе «основание выдачи» указал «соглашение», но ни номер, ни дату заключения соглашения не вписал. При этом к делу были приобщены два заявления подозреваемого: в первом он отказывался от услуг адвоката П., во втором, более позднем, он сообщал, что с адвокатом П. соглашения на свою защиту не заключал.

Районный координатор работы адвокатов по назначению в служебной записке указал, что по рассматриваемому делу следователем был нарушен порядок допуска адвоката к участию в уголовном деле, предусмотренный ст.50 УПК РФ, а адвокат П. принял на себя защиту в нарушение ст.50 УПК РФ, ст.ст.6, 7, 25, 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (далее – Закон об адвокатуре) и п.4.2.4 Положения об ордерах. Следователь подал заявку на обеспечение участия адвоката по назначению только после того, как подозреваемый А. отказался от услуг адвоката П. Заявка была распределена другому адвокату.

Адвокат П., давая объяснения, сообщил, что к нему за юридической помощью обратился А., когда он (адвокат) находился в следственном отделе по другому уголовному делу. Адвокат сообщил А., что не оказывает юридической помощи бесплатно, и они договорились заключить соглашение после ознакомления с постановлением о возбуждении уголовного дела, так как у адвоката не было с собой бланка соглашения. До начала оказания юридической помощи адвокат уведомил по телефону управляющего партнера, который одобрил его действия.

Впоследствии соглашение так и не было заключено. После ознакомления с постановлением о возбуждении уголовного дела А. попросил время подумать по поводу заключения соглашения до следующего дня и более от него никаких действий не последовало.

Адвокат П. передал Комиссии заявление А. о том, что жалобы и заявления о допущенных нарушениях в отношении адвоката П. им не писались,

претензий за оказанную юридическую помощь к П. он не имеет. В заявлении А. также подтвердил, что перед вступлением адвоката П. в уголовное дело по его защите между ними была предварительная договоренность о возможном заключении с ним соглашения, однако в дальнейшем А. по личным соображениям от заключения соглашения отказался.

Уже на заседании Совета адвокат П. пояснил, что его профессиональная помощь А. заключалась лишь в том, что они 30 минут беседовали. По словам адвоката, он не работает по назначению вообще, а только по соглашению, имеет пока еще не большой опыт в профессии, но теперь он четко уяснил, что впредь будет участвовать в деле как защитник только после заключения письменного соглашения с доверителем и на основании ордера.

На заседании Совета также присутствовал управляющий партнер адвокатского бюро, в котором адвокат П. осуществляет свою профессиональную деятельность. Он пояснил Совету АП СПб, что произошло, в том числе по его вине, простое недоразумение: в той ситуации П. позвонил ему, чтобы уточнить, что делать, и он посоветовал ему выписать ордер, а в дальнейшем заключить соглашение. Кроме того, управляющий партнер охарактеризовал своего коллегу П. как ответственного, молодого адвоката, которому не хватило опыта в сложившейся ситуации, и попросил Совет быть снисходительнее к нему.

Адвокат П. фактически безосновательно вступил в уголовное дело, не имея письменного соглашения с доверителем и без поручения по ст. 51 УПК РФ, за что ему было объявлено замечание.

Аналогично, без каких-либо оснований, другой адвокат – Д. – приехал в следственное управление, предъявил следователю ордер на защиту Г. и на этом основании ознакомился с материалами уголовного дела. Этому предшествовало обращение Г. к адвокату Д. за юридической помощью, но при этом соглашение в письменной форме между ними не заключалось. Более того, Г. в жалобе ссылаясь на то, что после упомянутого совместного ознакомления с делом он не смог выйти на связь с адвокатом, так как тот не отвечал на телефонные звонки, вынудив Г. заключить соглашение на защиту с другим адвокатом.

В жалобе Г. изложил мнение о том, что с самого начала адвокат действовал недобросовестно: все встречи состоялись вне консультации – на заправке, около дома. Деньги адвокату передавались то во время поездки к следователю, то около дома. Никаких квитанций адвокат не выдавал, письменное соглашение не заключалось.

В перечисленных действиях адвоката Д. Комиссия выявила нарушения п.п.1 и 2 ст.25 Закона об адвокатуре и подп.2.1 «Методических рекомендаций о порядке изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам», утвержденных Советом ФПА РФ 10.12.2004, а также п.6 ст.15 КПЭА.

Комиссия заключила, что приняв на себя обязательства перед доверителем и предъявив ордер следователю, адвокат Д. фактически принял на себя защиту Г. В дальнейшем адвокат от участия в деле самоустранился: на связь с доверителем не выходил, движением дела не интересовался, что вынудило Г. обратиться за помощью к другому адвокату. То есть, адвокат Д. отказался от принятой на себя защиты, нарушив положения подп.6 п.4 ст.6 Закона об адвокатуре.

Адвокат Д. подтвердил Совету, что выписал ордер, не имея соглашения, при этом встречался с доверителем около пяти раз, неоднократно разговаривал с ним по телефону и от встреч с ним не уклонялся. Д. также сообщил, что Г. требовал от него предоставления гарантий по делу, а также что плохо понимает русский язык, работал с переводчиком, потому не все понимал. Адвокат также настаивал, что в указанный день он не участвовал в следственных действиях.

Адвокат Д., прибыв к следователю для ознакомления с материалами уголовного дела и предъявив ордер, не заключил с доверителем соглашение в письменной форме. Не имея такового соглашения и поручения в порядке назначения, адвокат не имел оснований заполнять ордер и предъявлять его следователю. Более того, приняв на себя обязательства перед доверителем и предъявив ордер следователю, то есть фактически приняв на себя защиту Г., но в дальнейшем от участия в деле самоустранившись, адвокат Д. нарушил требования подп.6 п.4 ст.6 Закона об адвокатуре, в соответствии с которым «адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты».

Адвокату Д. было объявлено замечание.

ДОПРОС АДВОКАТА

Дискуссии о том, как вести себя адвокату, если его вдруг вызвали на допрос в качестве свидетеля по обстоятельствам того, что он видел и слышал в процессе проведения следственных действий с участием его подзащитного, гремят уже не первое десятилетие. Слаженные действия адвоката, столкнувшегося с такой ситуацией, и представителей адвокатской палаты уже не раз показывали хорошие результаты. Пример тому – недавнее дело адвоката Романа Аноприева, когда в августе 2018 года Смольнинский районный суд СПб посчитал неявку адвоката на допрос правомерной и отказался штрафовать адвоката, о чем АП СПб писала в новостной ленте.

Тем не менее АП СПб продолжает получать жалобы от доверителей, по делам которых адвокаты являются на допросы и дают показания вопреки воле доверителя, нарушая адвокатскую тайну, законодательство об адвокатуре и КПЭА. Такой случай был описан в обзоре дисциплинарных дел за прошлый год. Аналогичная жалоба рассматривалась и в 2018 году.

Жалоба была направлена доверителем адвоката Г., содержащимся под стражей.

В ходе рассмотрения дела Комиссия установила, что в июле 2017 года адвокат Г. по назначению приняла участие в допросе подзащитного С. в качестве подозреваемого в отделе полиции.

Позднее в предварительном судебном заседании у мирового судьи адвокат Г. дала суду согласие на допрос в качестве свидетеля «в рамках статуса» адвоката и дала показания об обстоятельствах, ставших ей известными при оказании в июле 2017 года юридической помощи подзащитному С. Она подробно описала процедуру его допроса, в то время как доверитель оспаривал законность как самого допроса, так и соблюдение процедуры, установленной процессуальным законом, в том числе, участие в нем адвоката. Г. еще до допроса обвиняемого С. в суде о признании или непризнании им вины в совершении преступления также сообщила, что С. во время допроса дал признательные показания.

Оценивая данные обстоятельства, Комиссия руководствовалась положением п.2 ст.8 Закона об адвокатуре, согласно которому «адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием», а также п.6 ст.6 КПЭА, в соответствии с которым: «адвокат не вправе давать свидетельские показания об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с исполнением профессиональных обязанностей».

Вместе с тем, согласно определению Конституционного Суда РФ по заявлению Цицкишвили Г.В. от 06.03.2003 № 108, адвокат может быть допрошен судом по процессуальным вопросам по просьбе его доверителя при обязательном принятии решения о явке на допрос самого адвоката. КС РФ указал, что «освобождая адвоката от обязанности свидетельствовать о ставших ему известными обстоятельствах в случаях, когда это вызвано нежеланием разглашать конфиденциальные сведения п.2 ч.3 ст.56 УПК РФ вместе с тем не исключает его право дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений».

Такой допрос адвоката судом возможен только в целях обеспечения интересов доверителя, в том числе бывшего.

Показания адвоката Г., дезавуирующие позицию доверителя, недопустимы, поскольку противоречат требованиям подп.2 п.1 ст.9 КПЭА: «адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя...».

Совет согласился с выводами Комиссии, и адвокату Г. было объявлено предупреждение с исключением ее из базового списка адвокатов, осуществляющих защиту в порядке ст.51 УПК РФ на 3 месяца.

ПРОИЗВОДСТВА ПО ОБРАЩЕНИЯМ СУДЕЙ

За шесть месяцев предметом дисциплинарных разбирательств стали 12 представлений и обращений судей (за весь 2017 год – 9 обращений судей), связанные не только с неявками и опозданиями адвокатов в судебные заседания. По ряду из них адвокатам объявлены предупреждения, другие прекращены за отсутствием в действиях адвокатов нарушений законодательства и КПЭА.

Адвокат К. стала участником дисциплинарного производства после обращения в АП СПб мировой судьи, которая сообщала, что получила от адвоката К. заявление о выдаче из архивных дел (без указания каких) определения о приостановлении, акта уничтожения дела о взыскании алиментов по иску Д. к Д., определения о прекращении (без указания чего).

В обращении судьи отмечалось, что в подтверждение полномочий по заявлению адвокатом К. был представлен ордер, состоящий из буквенного обозначения «Н» и цифрового значения, на участие в производстве по назначению. При этом в ордере не было указано, кому конкретно назначен адвокат, чьи интересы он представляет, в порядке какой статьи ГПК РФ участвует адвокат К., номер заявки, дата заявки, наименование адвокатского образования.

Мировой судья сообщала, что в ее производстве, действительно, с 2005 года находилось гражданское дело о взыскании алиментов по иску Д. к Д., однако, определением суда от 2005 года иск был оставлен без рассмотрения.

Кроме того, мировой судья утверждала, что заявку на адвоката по указанному делу не направляла, поскольку производство по нему окончено в 2005 году.

Адвокат К., объясняя ситуацию, сообщила, что, вопреки утверждению мировой судьи, ее действия не содержат нарушений Закона об адвокатуре, свои профессиональные обязанности она исполняла надлежащим образом, вследствие чего полагала, что обращение судьи в Адвокатскую палату Санкт-Петербурга следует «...возвратить без исполнения напомнив последней о необходимости исполнить Запрос адвоката».

Вместе с тем, К. подтвердила как факт своего обращения к мировому судье судебного участка о выдаче ей материалов архивного гражданского дела, так и факт представления суду ордера по назначению.

Адвокат сообщила, что порядок оформления и использования ордеров ей известен, но уклонилась от объяснений, на каком основании ею было принято решение об оформлении ордера по назначению в нарушение установленного Советом АП СПб порядка.

Комиссия также установила, что обращаясь с запросом в судебный участок, адвокат К. не имела соглашения ни с одной из сторон гражданского дела. Заявок на имя адвоката К. из судебного участка не поступало, в указанный день она не дежурила, в график дежурных адвокатов не была включена.

Таким образом, Комиссия заключила, что в нарушение порядка, установленного решением Совета АП СПб, не имея к тому оснований, адвокат К. самостоятельно приняла решение об участии в судопроизводстве по назначению, необоснованно выписав на свое имя ордер и представив его суду. При этом адвокатом К. нарушены требования п.п.3 и 4 ст.6.1. Закона об адвокатуре по форме и порядку оформления адвокатского запроса, определенные приказом Министерства юстиции РФ от 14.12.2016 № 288, а именно: отсутствие в нем необходимых сведений.

Своими действиями адвокат К. допустила нарушение требований п.6 ст.15 КПА, в соответствии с которыми адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции.

Совет согласился с выводами Комиссии, адвокату К. объявлено предупреждение.

В АП СПб поступили два обращения судьи Фрунзенского районного суда Санкт-Петербурга в отношении адвоката С. Судья ссылаясь на то, что адвокат С., будучи надлежащим образом извещенным о дате и времени судебного заседания, явился в суд неподготовленным к участию в деле, поскольку не ознакомился с его материалами, из-за чего судебное заседание было сорвано и перенесено на другое время.

Во втором обращении было указано, что после того, как суд принял отказ подзащитного М. от адвоката С., последний, не имея, по мнению суда, полномочий на апелляционное обжалование приговора, принес апелляционную жалобу, чем действовал против воли подзащитного.

Письменно объясняя ситуацию, адвокат С. сообщил, что заявку на участие 29.11.2017 в судебном процессе он получил через АИС «Адвокатура» 24.11.2017 (в пятницу). 25 и 26 ноября были выходными, и ознакомиться с материалами дела не представлялось возможным. 27 и 28 ноября адвокат С. принимал участие в судебных заседаниях в разных судах. Кроме того, канцелярия по уголовным делам Фрунзенского районного суда Санкт-Петербурга работает только в понедельник и четверг, поэтому 28.11.2017 приема в канцелярии не было. 29 ноября адвокат С. заявил суду ходатайство о предоставлении возможности изучить дело, ходатайство было поддержано прокурором и удовлетворено судом, и слушание дела перенесено на 30.11.2017.

Уже на заседании Комиссии адвокат С. дополнил, что 24.11.2017 он принял заявку АИС «Адвокатура» на защиту М. во Фрунзенском районном суде Санкт-Петербурга 29.11.2017. По изложенным причинам не смог ознакомиться с материалами дела, но после отложения заседания в этот же день ознакомился и понял, что подсудимый себя оговаривает. 30.11.2017 в судебное заседание, минуя АИС «Адвокатура», судом был вызван другой адвокат. Подсудимый М. отказался от помощи адвоката С., и суд освободил

его от участия в деле. Но, будучи убежденным в самооговоре подсудимого, адвокат С. подал апелляционную жалобу на приговор суда, вынесенный без его участия. Он полагал, что это был его профессиональный долг, тем более, что доверитель мог в любой момент отозвать апелляционную жалобу, что в последующем и сделал.

Относительно даты выдачи ордера для участия в защите по назначению адвокат С. пояснил, что в «Положении об ордерах» этот момент изложен неопределенно. Он считал, что в этой графе необходимо указывать дату получения «ордерской» книжки. Поскольку книжку ордеров он получил у координатора 01.08.2017, то и указал эту дату во всех ордерах. В связи с сомнениями относительно правильности своих действий за два дня до заседания суда он письменно обратился в АП СПб за разъяснением по этому поводу.

Оценивая указанные обстоятельства, Комиссия пришла к выводу, что при получении заявки адвокату С. было известно как о предстоящих выходных днях, так и о своей последующей занятости, поэтому, принимая поручение на защиту, адвокат С. знал, что будет не в состоянии своевременно выполнить поручение: ознакомиться с материалами уголовного дела и встретиться с подзащитным, согласовать с ним позицию защиты, чем нарушил подп.5 п.1 ст.9 КПЭА, в соответствии с которыми адвокат не вправе принимать поручения на оказание юридической помощи в количестве, заведомо большем, чем адвокат в состоянии выполнить.

Кроме того, адвокат нарушил требования п.1 ст.14 КПЭА, в соответствии с которыми при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для проведения заседания суда, адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд.

В части подачи адвокатом С. апелляционной жалобы на приговор Комиссия установила, что 30.11.2017 подзащитный отказался от услуг адвоката С. в пользу другого адвоката, с участием которого в тот же день был вынесен приговор. Подача адвокатом С. апелляционной жалобы на этот приговор не подкреплялась наличием формальных полномочий. Однако Комиссия, учитывая убежденность адвоката в самооговоре подсудимого, основанную на неполном, по мнению адвоката, исследовании судом всех обстоятельств дела, решила, что эти действия не могут рассматриваться как совершение дисциплинарного проступка. Они были направлены на защиту интересов бывшего доверителя, который в свою очередь не был лишен возможности отозвать жалобу. Какого-либо ущерба интересам подзащитного нанесено не было.

По мнению Комиссии, не было оснований рассматривать в качестве дисциплинарного проступка и ошибочную интерпретацию адвокатом положений существующего Порядка выдачи и заполнения ордеров, выдаваемых на защиту по назначению. Адвокат С. действительно обратился за разъяснением порядка заполнения граф ордера, и это подтверждает, что он не имел умысла на совершение противоправного проступка. В этом не

усомнился и суд, принявший указанный ордер в качестве документа, подтверждающего полномочия адвоката.

Совет АП СПб согласился с выводами Комиссии и решил объявить адвокату С. замечание.

НАРУШЕНИЙ НЕ УСТАНОВЛЕНО

Другое дисциплинарное производство было возбуждено так же на основании обращения судьи Фрунзенского районного суда Санкт-Петербурга, однако закончилось противоположным решением.

Адвокат Б. на основании соглашения участвовал в судебных заседаниях, защищая подсудимого К. Судья, в производстве которого находилось уголовное дело, направил в Адвокатскую палату обращение, в котором сообщил, что во время судебного заседания в ходе исследования стороной обвинения письменных доказательств по уголовному делу адвокат Б. в нарушение регламента судебного разбирательства неоднократно перебивал государственного обвинителя и председательствующего, объявлял замечания председательствующему, допускал пререкания с председательствующим судьей, в том числе с повышением голоса. По данному факту адвокату судом неоднократно делались замечания, в связи с недопустимым поведением и нарушением регламента судебного заседания. На замечания адвокат Б. не реагировал, распоряжениям председательствующего не подчинялся, чем вызвал отложение судебного разбирательства.

Суд также обратил внимание АП на неявку адвоката Б. в одно из заседаний без уважительных причин, что также повлекло отложение заседания.

Адвокат Б. придерживался следующей позиции: в судебном заседании сторона обвинения, приступив к исследованию письменных доказательств, в нарушение требований ст.285 УПК РФ, без заявления соответствующего ходатайства об оглашении, без указания, какое значение для уголовного дела имеют соответствующие документы, а также без соответствующих определения или постановления суда оглашала под видом доказательств документы, в том числе неуказанные в обвинительном заключении, в качестве доказательств, положенных в основу обвинения.

При этом и сторона обвинения (путем безостановочного последовательного прочтения документов), и суд (путем запрета стороне защиты заявлять ходатайства и иным образом участвовать в исследовании доказательств после оглашения конкретного документа) лишали сторону защиты возможности участия в исследовании доказательств (ст.274 УПК РФ), грубо нарушая принцип равенства прав сторон защиты и обвинения в части исследования доказательств и заявления ходатайств, установленный ст.244 УПК РФ.

Адвокат Б. также возразил, что не делал замечания суду, не возражал против действий председательствующего в порядке ч.3 ст.243 УПК РФ, а

только пытался сделать заявления, заявить ходатайства и указать на обстоятельства, которые просил занести в протокол. Судья же неоднократно останавливал защитника на полуслове, требуя от него «сесть», «не мешать прокурору», не давая возможности договорить: сделать заявления, заявить ходатайства и указать на обстоятельства, которые просил занести в протокол, то есть, тем самым не давал стороне защиты принять участие в исследовании доказательств стороной обвинения, сделать, в частности, заявление о недопустимости исследования доказательств, не указанных в обвинительном заключении, а, следовательно, не имеющих отношения к уголовному делу.

В подтверждение обоснованности своего обращения судья приложил к нему копию протокола судебного заседания, с которым сторона защиты, несмотря на неоднократные ходатайства смогла ознакомиться не в рамках уголовного судопроизводства в сроки и в порядке, установленные УПК РФ, а только в рамках дисциплинарного производства в отношении адвоката. Поэтому замечания адвокат Б. вынужден был подать на протокол судебного заседания, имеющийся в материалах Адвокатской палаты Санкт-Петербурга.

Относительно неявки в судебное заседание адвокат Б. пояснил, что в тот день по объективным причинам опоздал в судебное заседание на 15 минут, о чем предупредил судью через супругу своего подзащитного, поскольку на сайте Фрунзенского районного суда указан неактуальный телефон судьи. Адвокат отдельно отметил, что других дел у судьи на этот день не было назначено, в связи с чем адвокат посчитал, что отложение уголовного дела с подсудимым, находящимся под стражей, имело место в чисто «воспитательных» целях.

Комиссия, изучив представленные сторонами производства документы, пришла к выводу, что в процессе слушания уголовного дела выявилось различное толкование председательствующим и адвокатом Б. норм процессуального законодательства, что привело к атмосфере взаимного недовольства и повлекло за собой обращение судьи в АП СПб.

Доводы адвоката о причинах невозможности ознакомления с протоколом судебного заседания ввиду его отсутствия в материалах дела нашли свое подтверждение, поэтому, заключила Комиссия, невозможность для адвоката и его доверителя в установленном процессуальным законом порядке защитить свои интересы лишает представленный протокол судебного заседания доказательственной силы в рамках дисциплинарного производства.

Относительно опоздания адвоката в судебное заседание Комиссия согласилась с его доводами, отметив, что, несмотря на формальные признаки нарушения, действия адвоката не были умышленными, либо совершенными по грубой неосторожности, как это предусмотрено п.1 ст.18 КПЭА. Поэтому он не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за указанное действие (бездействие).

Таким образом, Комиссия и Совет пришли к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Б. в связи с отсутствием в его действиях (бездействии) нарушения норм КПЭА и законодательства об адвокатской деятельности.

Поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката К. послужило частное постановление судьи районного суда иного региона, в котором сообщалось о неявке адвоката в заседание.

Обстоятельства дела были таковы: адвокат К. осуществлял защиту своего доверителя на основании соглашения, которым было предусмотрено приобретение доверителем для проезда адвоката электронных билетов не менее чем за три дня до проведения судебного заседания.

29 ноября в предварительном слушании с участием адвоката К. следующее заседание назначили на 4 декабря.

В частном постановлении судья указывает, что именно 4 декабря адвокат не явился, объяснений обоснованности своего отсутствия не представил. Из-за его отсутствия слушание дела было перенесено на 11 декабря, о чем была уведомлена подзащитная адвоката К., однако и на это заседание адвокат К. не явился и о причинах своего отсутствия суд не уведомил.

Объясняя сложившуюся ситуацию, адвокат К. указал, что заседание на 4 декабря было назначено судом без установления возможности защиты прибыть в этот день в суд. Поскольку соглашением с подзащитной было предусмотрено приобретение ею для проезда адвоката электронных билетов, а времени до следующего заседания оставалось мало, адвокат К. предложил подзащитной оплатить его проезд, купив ему билет. В телефонном разговоре с ней первого декабря адвокат узнал, что билет она не купила, а также о ее намерении отказаться от его услуг, поскольку она заключила соглашение с местным адвокатом.

Подзащитной было объяснена необходимость предоставить адвокату К. письменный отказ от его услуг и заявление о расторжении соглашения. 3 декабря адвокат получил от подзащитной требуемые документы, которые вместе с заявлением об освобождении от участия в деле по почте направил в суд, уведомляя его о сложившейся ситуации. Одновременно подзащитная была уведомлена о необходимости сообщить суду о расторжении соглашения с адвокатом К. О назначении слушания дела на 11 декабря адвокат К. уведомления не получал.

Доводы адвоката были подтверждены документально.

Комиссия отметила, что адвокатом отказ от его помощи получен устно в пятницу, а письменно в воскресенье. При том, что судебное заседание было назначено на понедельник, адвокат К. использовал единственную возможность заблаговременно оповестить суд о своей неявке по уважительной причине, направив в его адрес курьерской почтой соответствующее заявление.

О надлежащем извещении адвоката К. о судебном заседании 11 декабря каких-либо данных не имелось.

Таким образом, Комиссия и Совет пришли к заключению, что в действиях (бездействии) адвоката К. отсутствует нарушение норм КПЭА, и производство в отношении него было прекращено.

Следующее дисциплинарное производство было возбуждено вследствие обращения в АП СПб мирового судьи, из которого следовало, что адвокат П., осуществляющий по соглашению защиту подсудимой Р., не явился в судебное заседание. Отдельно судья обращала внимание на поведение адвоката. В телефонном разговоре с секретарем судебного заседания причину неявки он в неуважительной форме пояснил тем, что не посчитал нужным явиться в суд, так как накануне в канцелярии суда ему сообщили, что судебно-медицинская экспертиза по делу в суд еще не поступила, а во время разговора он находился в другом суде.

Судья же ссылаясь на то, что судебное заседание было отложено исключительно из-за неявки защитника, поскольку заключение эксперта поступило в суд, и ничто не препятствовало рассмотрению дела по существу.

Также в обращении указывалось, что в одном из судебных заседаний адвокат П., по мнению мирового судьи, позволял себе неуважительные высказывания в адрес суда: «если Вам надо, Вы и зачитывайте, а мне не надо», «я не вижу разницы между тем, осуждено лицо или не осуждено, все адвокаты, конечно, дрянь», в результате чего адвокату дважды делались замечания.

В день судебного заседания адвокат ознакомился с заключением судебно-медицинской экспертизы и в присутствии секретаря судебного заседания и помощника мирового судьи заявил, что не видит смысла в личном участии в судебном заседании, пояснив причину следующим доводом: «ну а зачем я нужен, можно я не буду ждать».

В коридоре суда подсудимая под диктовку адвоката написала ходатайство о рассмотрении дела в ее отсутствие и в отсутствие ее защитника, от участия в деле других защитников отказалась, передав ходатайство секретарю, после чего подсудимая с защитником покинули здание суда.

Адвокат П. представил свое видение обстоятельств. Он сообщил, что защищает по соглашению обвиняемую с конца 2016 года. В начале 2017 года уголовное преследование его подзащитной было прекращено по ходатайству защиты за истечением срока давности уголовного преследования.

Постановлением апелляционной инстанции указанное решение отменено, и дело было передано на новое рассмотрение другому мировому судье.

Адвокат считал, что дело рассматривалось мировым судьей с обвинительным уклоном, судом не было предпринято попыток к примирению сторон ни в одном из многочисленных судебных заседаний. Ходатайство защиты о прекращении уголовного дела в связи с амнистией оставлено без рассмотрения в связи с его преждевременностью, а судебные заседания неоднократно переносились по инициативе суда.

В конце 2017 года была назначена судебно-медицинская экспертиза, после чего судьей была предложена сторонам условная/предварительная дата судебного заседания, при этом было предложено накануне позвонить в суд и узнать о готовности экспертизы и поступлении ее в суд.

В соответствии с указанием судьи адвокат позвонил в канцелярию и был извещен, что дело с экспертизы в суд не вернулось и рассматриваться не будет, что адвокат в заседание может не являться.

После разговора с канцелярией адвокату поступил звонок следователя о назначении на следующий день рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения в отношении другого подзащитного. Адвокат явился по вызову следователя, и в это время ему позвонил секретарь мирового судьи с сообщением о том, что только что курьер доставил из экспертного учреждения дело его подзащитной Р. Адвокат сообщил секретарю, что накануне он был уведомлен, что дело рассматриваться не будет, поскольку не поступило заключение эксперта, что в настоящее время находится в другом суде, но может через полчаса быть в судебном участке, но секретарь перезвонила адвокату и сообщила, что дело отложено.

Комиссия при рассмотрении дела установила, что в судебном заседании адвокат П. неуважительно высказывался в адрес суда, произнося указанные выше выражения, что подтверждалось копией протокола судебного заседания. Эти высказывания носят оттенок личной обиды, демонстративного противопоставления своей позиции – позиции суда, то есть, являются «вежливой грубостью» и относятся к неделовой лексике. Указанные действия адвоката П. Комиссия квалифицировала как проявление неуважения к суду и нарушение требований ст.12 КПЭА.

Комиссии полагала, что если в протоколе, по мнению адвоката, события были изложены неполно или неверно, он обязан был направить судье замечания на протокол судебного заседания. Независимо от результатов рассмотрения таких замечаний, их наличие в совокупности с иными обстоятельствами, могло сыграть существенную роль в реабилитации адвоката. Однако, в рассмотренном случае замечания на протокол адвокатом не были принесены.

Неявка адвоката в заседание была расценена мировым судьей как проявление неуважения к суду и срыв адвокатом судебного заседания без уважительной причины, однако, по мнению Комиссии, такой вывод являлся необоснованным, поскольку Комиссия посчитала, что нет оснований не доверять объяснениям адвоката о том, что из-за назначенной экспертизы по делу была установлена условная дата судебного заседания, и было предложено сторонам накануне позвонить в суд и узнать о готовности экспертизы и поступлении ее в суд. В обращении судьи не оспаривался факт поступления заключения эксперта накануне, а в день заседания, и в целом Комиссия согласилась с доводами адвоката, посчитав, что в этой части им каких-либо нарушений не допущено.

В остальной части обращения, изложенные в нем факты, не нашли объективного подтверждения.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства в отношении адвоката П., Совет АП СПб пришел к выводу, что Комиссия установила фактические обстоятельства правильно, но ею сделана ошибка в правовой оценке деяния адвоката.

По мнению Совета, отраженные в протоколе судебного заседания высказывания адвоката П., выраженные в полемической и, возможно, не самой удачной форме, тем не менее, не содержат оскорблений в адрес суда либо иных участников судопроизводства, не имели целью умалить честь и достоинство кого-либо из участвовавших в судебном процессе лиц, мировым судьей в ее обращениях вырваны из контекста, с учетом которого нарушением требований КПЭА не являются.

Совет указал, что зачитывание своих поданных в письменном виде в установленном порядке ходатайств в судебном заседании не является процессуальной обязанностью защитника, предусмотренной нормами УПК РФ.

При этом Совет учел, что в соответствии с п.2 ст.18 Закона об адвокатуре, адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии).

Совет полагал, что привлечение адвоката, выполняющего функции защитника в уголовном процессе, к дисциплинарной ответственности за полемические высказывания, сделанные в ходе судебного заседания, не являющиеся напрямую оскорбительными, может привести к опасной для адвокатской корпорации самоцензуре адвокатов при выполнении ими своего профессионального долга и воспрепятствовать, таким образом, осуществлению ими защиты своих доверителей всеми не запрещенными законом способами.

Всегда есть возможность, дополнительно обдумав, сформулировать свою мысль лучше и более корректно, но Совет АП СПб при принятии решения учитывал, что сказанные экспромтом, без предварительной подготовки, в судебном заседании слова не всегда оказываются самыми удачными, и адвокат не может нести дисциплинарную ответственность лишь за неудачный (или, напротив, очень удачный) выбор слов.

Каких-либо нарушений требований закона и адвокатской этики в деяниях, вмененных в вину адвокату П., Совет АП СПб не усмотрел и прекратил производство.

СЛОЖНОСТИ С ДОСТУПОМ В СИЗО

Судья Санкт-Петербургского городского суда обратилась в Адвокатскую палату Санкт-Петербурга с тем, что 18.09.2017 через АИС «Адвокатура» суд направил заявку на обеспечение участия адвоката по представлению интересов осужденного в судебном заседании Санкт-Петербургского городского суда 12.10.2017 при рассмотрении его апелляционной жалобы. 20.09.2017 в суд поступило ходатайство осужденного с просьбой направить к нему в СИЗО назначенного судом адвоката для консультации и согласования позиции. 21.09.2017 адвокат К., которому была передана заявка, был извещен

о необходимости посещения осужденного в учреждении ФКУ СИЗО-1 УФСИН РФ по СПб и ЛО. Однако, в судебном заседании 12.10.2017 выяснилось, что адвокат не посетил осужденного, в связи со своей большой занятостью. В результате судебное заседание было отложено.

Адвоката К. представил Комиссии свой график занятости: 22 сентября он участвовал в двух судебных заседаниях в разных судах города, 25 сентября – в следственных действия, 26, 28 сентября, 3, 5 и 10 октября – в Санкт-Петербургском городском суде; 29 сентября, 2, 4 и 11 октября – так же был занят в судах, а 6 и 9 октября пытался попасть в СИЗО-1, но безуспешно.

Адвокат также пояснил, что принял заявку АИС «Адвокатура», будучи уверенным, что осужденный – один из его подзащитных, визита к которому в СИЗО не предполагалось. В противном случае заявку не взял бы ввиду занятости.

Адвокат просил учесть, что попасть в следственный изолятор крайне сложно. Он дважды подавал требование на оформление пропуска для посещения осужденного, высиживал целый день, но очередь до него так и не дошла.

Комиссия заключила, что оснований не доверять объяснениям адвоката К. относительно сложностей, возникающих у него при посещении доверителей в следственном изоляторе, нет. Адвокат дважды заполнял требование на посещение доверителя в изоляторе, однако в обоих случаях очередь до него не дошла. После отложения судебного заседания 12.10.2017 адвокат посетил доверителя, и дело было рассмотрено судом.

Комиссия констатировала, что, несмотря на наличие в действиях адвоката формальных признаков нарушения, в них отсутствовал умысел или грубая неосторожность, поэтому не было оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.

С выводами Комиссии согласился Совет, и дисциплинарное производство в отношении адвоката К. было прекращено.

Другое дисциплинарное производстве было возбуждено в отношении адвоката К. по представлению Начальника Главного управления Минюста РФ по Санкт-Петербургу, из которого следовало, что адвокат К. нарушил требования ст.21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»: вынес за пределы следственного изолятора заявления, написанные его подзащитным М.

Адвокат К. сообщил, что защищал М. на основании соглашения. Во время посещения своего подзащитного в СИЗО-6 адвокату от М. стало известно, что М. отправил заявление в адрес следователя, проводящего следственные действия, об объявлении сухой голодовки из-за несогласия с содержанием его под стражей. М. пояснил адвокату, что ему не удастся подать на имя руководства СИЗО-6 заявления, в которых он указал бы на объявление сухой голодовки и оказание ему медицинской помощи, поскольку все написанные

им заявления игнорируются руководством изолятора. Он также сообщил адвокату о том, что на него оказывается давление со стороны администрации и сотрудников СИЗО-6, со стороны заключенных, содержащихся с ним в одной камере, с целью принуждения его к приему пищи и воды.

Зная, что сухая голодовка может привести к летальному исходу на 7-9 день, и с целью сохранения здоровья и жизни своего подзащитного адвокат принял решение поставить в известность о происходящем руководство СИЗО-6. Во время встречи адвокат получил от М. два заявления на имя руководства следственного изолятора, которые в тот же день, не вынося за пределы СИЗО-6, приобщил к своему заявлению, переданному в спецчасть учреждения. Почему датой принятия заявления явился следующий день, адвокату не известно. Адвокат также сообщил, что других заявлений он от своего подзащитного не получал и, соответственно, не выносил за пределы СИЗО-6.

При последующем посещении М. в СИЗО-6 адвокат узнал от своего подзащитного, что его вынудили написать ложное заявление о том, что он якобы передал адвокату заявление в СК РФ, чтобы адвокат вынес его за пределы СИЗО-6 и отправил адресату. Написание такого заявления было условием для перевода М. в больницу для оказания ему медицинской помощи.

Комиссией также было установлено, что на копии заявления адвоката значится иная дата приема документа – та, на которой настаивал адвокат.

Таким образом, у Комиссии не было оснований для вывода о том, что указанные заявления М. были незаконно вынесены адвокатом К. за территорию СИЗО-6, поэтому Комиссия пришла к выводу, что производство в отношении адвоката К. должно быть прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и КПЭА, с чем согласился Совет.

ЖАЛОБЫ ОТ ДОВЕРИТЕЛЕЙ

Немало дисциплинарных производств, рассмотренных Комиссией и Советом АП СПб в первом полугодии 2018, стали следствием недостаточного разъяснения доверителю всех правовых нюансов, связанных с его делом, и последствий тех или иных его решений, а порой и с нежеланием самого доверителя следовать советам адвоката.

Так, К. подал в Палату жалобу на своего представителя – адвоката Д. Он сообщил, что между ними было заключено соглашение на представление интересов К. в суде в гражданском деле по иску о разделе совместно нажитого недвижимого имущества супругов и денежных вкладов в банках. Гонорар адвоката в размере 50000 рублей был оплачен в день подписания соглашения. Доверитель считает, что при осуществлении принятых на себя обязательств адвокатом Д. была проявлена профессиональная небрежность, представление интересов в судебном заседании осуществлено не было, действия адвоката носили исключительно формальный, технический характер.

Свои выводы он сделал из следующего: в назначенный день рассмотрение дела задерживалось, в результате заседание началось после получасового ожидания, но примерно за 5 минут до вызова сторон адвокат сказал, что не может ожидать и уехал, вручив доверителю только текст неподписанного искового заявления, без разъяснения дальнейших действий в судебном заседании. При этом адвокат увез с собой все документы по делу, в том числе оригиналы, поэтому, когда в предварительном судебном заседании суд запросил у К. оригиналы документов для удостоверения копий, тот не смог этого сделать.

Помимо такого отказа от представления интересов доверителя в судебном заседании адвокат, по мнению К., проявил некомпетентность, а именно: текст искового заявления не содержал упоминания о разделе «вкладов в банках», не был согласован с доверителем; раздел земельного участка не был юридически обоснован, не рассчитана цена иска и сумма госпошлины, практически отсутствовали ссылки на законодательные акты, помимо упоминания статей СК РФ; были допущены опечатки в адресе места проживания ответчика и в адресе нахождения суда; к исковому заявлению адвокат не приложил документов, обосновывающих права истца на спорное имущество.

Адвокат же пояснил, что иск по согласованию с доверителем был подготовлен только на раздел недвижимости и подан в суд из соображений подсудности по месту нахождения недвижимого имущества, поскольку К. не хотел, чтобы дело рассматривалось по месту жительства ответчицы в другом городе. Вопросы о разделе вкладов в банках не ставились в связи с тем, что у К. не было документов о месте нахождения и размере вкладов и он, ссылаясь на материальные затруднения, не был готов платить большую госпошлину.

Адвокат утверждал, что исковое заявление было согласовано с доверителем и подано лично адвокатом в суд, который вернул иск, посчитав, что были нарушены правила подсудности. После этого по согласованию с К. адвокат успешно обжаловал определение суда, и исковое заявление апелляционной инстанцией было возвращено в районный суд для рассмотрения по существу.

Районным судом иск был оставлен без движения в связи с тем, что возвращенные истцу документы не были приложены к исковому заявлению. Когда адвокат узнал об этом, он немедленно донес в канцелярию суда недостающие документы, иск был принят к производству, на спорное имущество наложили арест.

В дальнейшем без согласования с адвокатом дело было назначено к слушанию, но на этот же день ранее было назначено другое дело. Адвокат явился в заседание по делу своего доверителя К. своевременно, но в связи с задержкой начала слушания дела на неопределенное время, адвокат вынужден был уехать из суда, предварительно проконсультировав К., как вести себя в заседании (предварительном), где дело по существу рассматриваться не будет, но можно будет выяснить позицию ответчика, просить суд истребовать от ответчика правоустанавливающие документы на спорное имущество. При этом адвокат отрицал передачу ему каких-либо оригиналов документов.

После отложения дела адвокат встречался с К., обсуждал с ним тактику и стратегию дальнейшего ведения дела. Но после К. обратился с жалобой в коллегия адвокатов, и на встрече в коллегии в присутствии управляющего делами был составлен акт о расторжении соглашения, возврате всех переданных адвокату документов и доверенности. От предложенного адвокатом возврата гонорара К. категорически отказался, оставив за собой право решить этот вопрос «в законном порядке».

Адвокат Д. полагал, что жалоба необоснованна, а истинные мотивы расторжения соглашения К. объяснить отказался.

Оценивая работу адвоката Д. в период действия соглашения, Комиссия отметила, что последовательность и направленность его действий по исполнению своих обязанностей и достижению целей соглашения, время реагирования на складывающуюся ситуацию соответствуют критериям разумности, добросовестности, квалифицированности и своевременности, предусмотренных п.1 ст.8 КПЭА.

Комиссия посчитала, что отказ адвоката Д. от участия в предварительном заседании был вынужденным. Задержка начала заседания произошла из-за нарушения судом графика рассмотрения назначенных на этот день дел. В связи с тем, что дата и время судебного заседания ни судом, ни доверителем с адвокатом Д. согласованы не были, а ранее на 12:00 в этот же день у адвоката было назначено судебное заседание в другом суде, он вынужденно покинул здание суда до начала заседания, чтобы выполнить ранее взятое на себя обязательство. Эти обстоятельства подтверждались протоколом судебного заседания по другому делу, в котором участвовал адвокат в тот день.

По мнению Комиссии, в действиях адвоката Д. отсутствовал как умысел, так и грубая неосторожность, направленная на нарушение обязательств перед К., поскольку сложившаяся ситуация была для адвоката непредсказуемой и от него не зависела. Поэтому говорить об отказе от представления интересов доверителя в соответствии с соглашением не было оснований. На последовавшей за этим встрече адвокат и доверитель договорились о продолжении сотрудничества в следующем судебном заседании.

Претензии, предъявляемые адвокату Д. доверителем относительно качества составленного искового заявления, не нашли своего подтверждения. Представленная в Комиссию копия искового заявления, по словам адвоката, являлась черновым вариантом, а поданное им лично в суд исковое заявление содержало все необходимые элементы, в том числе, расчеты, приложения, и было без замечаний принято судом.

Таким образом, Комиссия и Совет АП СПб пришли к выводу об отсутствии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм КПЭА и законодательства об адвокатской деятельности, производство по делу было прекращено.

Еще в 2016 году доверитель У. и адвокат П. заключили соглашение об оказании юридической помощи по делу о возмещении имущественного вреда, причиненного в результате ДТП. Одной из обязанностей адвоката, наряду с составлением искового заявления и участием в судебных заседаниях в суде 1-й инстанции, значилось «изучение протокола судебного заседания, принесение на него замечаний, составление апелляционной жалобы».

Обстоятельства сложились так, что в период проведения судебных заседаний адвокат находился на больничном и в заседаниях участия не принимал, при этом адвокат ссылаясь на внезапный характер своего заболевания и в связи с этим невозможность передачи дела кому-либо из коллег. Болезнь подтвердилась листком нетрудоспособности, и Комиссия признала это обстоятельство уважительной причиной невыполнения адвокатом обязательств по участию в судебных заседаниях.

Вместе с тем, решение по иску У. в окончательном виде было изготовлено в мае 2017 и вступило в законную силу в июне 2017. При этом адвокат П. выписался из стационара в конце апреля 2017 и, по мнению Комиссии, имел возможность в течение полутора месяцев изучить материалы дела, принести замечания на протокол судебного заседания (или помочь составить такие замечания доверителю), подготовить апелляционную жалобу, чего адвокат не сделал, поэтому Комиссия пришла к вводу о наличии в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и КПЭА.

Доверитель также жаловалась на то, что адвокат не вернул ей денежные средства, уплаченные за его работу. Она указывала, что в соглашении была предусмотрена оплата работы адвоката в сумме 20000 рублей, однако, фактически адвокату было передано 50000 рублей, а на руки доверитель получила квитанцию на 5000 рублей.

Далее дело рассматривалось Советом на двух заседаниях, в которых были заслушаны обе стороны. В отношении полученных денежных сумм адвокат П. сообщил, что на самом деле с доверителем заключил два соглашения, в том числе и соглашение 2015 года на представление ее интересов в ГСУ как потерпевшей, сумма гонорара по которому составляла 30000 рублей. По второму договору в 20000 рублей доверителем было уплачено только 5000 рублей, поэтому и квитанция ей была выдана только на эту сумму. Адвокат также рассказал, что после выписки из больницы связался с У., они встретились и договорились, что когда получат мотивированное решение по гражданскому делу, договорятся о дальнейших действиях, однако в первой декаде мая доверитель сообщила П. о своем отказе от его услуг и сказала, что в дальнейшем по делу будет работать другой адвокат.

На заседании Совета доверитель У. сообщила, что ответчик по ее делу так и не понес наказания, а она получила двойной удар: от потери близкого человека и от действий ее адвоката. При этом подтвердила, что в апреле устно

по телефону расторгла соглашение, адвокат предлагал ей продолжить работу и написать апелляционную жалобу, но она не согласилась.

Совет АП СПб пришел к выводу о правильности установленных Комиссией фактических обстоятельствах, при этом не согласился с ее правовой оценкой деяния адвоката. Так, Совет, соглашаясь с мнением Комиссии, посчитал, что адвокат П. имел возможность в соответствии с соглашением составить апелляционную жалобу, но получил отказ представлять интересы доверителя от нее лично и не имел права действовать вопреки ее воле. Единственной претензией, предъявленной адвокату Комиссией, было отсутствие апелляционной жалобы. Но на заседании Совета доверитель сказала, что она не давала этого поручения адвокату, так как заподозрила его в сговоре с ответчиком, сообщила, что она не нуждалась в его услугах, так как потеряла к нему доверие, тем самым сняла с адвоката П. претензию.

Совет АП СПб принял объяснения адвоката по поводу его отсутствия на судебных заседаниях по причине его болезни и нахождения в больнице, хотя и посчитал, что это его не оправдывает.

Кроме того, Совет АП СПб разъяснил У., что при наличии у нее материальных претензий к адвокату она вправе обратиться в суд

Таким образом, производство в отношении адвоката П. было прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА профессиональной этики адвоката.

Обзор дисциплинарной практики
подготовлен О.В. Шушминцевой